

Печать, театр, школа В ДНИ ВОЙНЫ

«Манчестер гардиан», «Спектэйтор»

«ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ВОЙНЫ»

«Над одним из городов юго-западной Англии появились германские бомбардировщики. Сброшены зажигательные и фугасные бомбы. Вспыхнули пожары, которые удалось быстро ликвидировать. Число жертв незначительно.»

«Манчестер гардиан» дополняет официальное коммюнике:

«Каждую ночь над нашими головами происходят бои. В отдалении — гул орудий, на горизонте вспыхивает огненное зарево. Высоко над нами — треск вражеских машин. Они сбрасывают бомбы, иногда открывают пулеметный огонь...»

Внизу, в темноте, притаились небольшие дома, и в каждом коттедже, в каждом особняке находятся люди тыла. Здесь осталась лишь старая женщина; она спряталась под кухонным столом, стараясь не двигаться; она не хочет уйти, хотя соседи предлагали ей постель в своей квартире. А в другом доме сидит на полу, забившись в угол, молодая мать с ребенком».

Так с сентября 1940 года, когда начались интенсивные налеты германской авиации, жила английская провинция. Так жил и Лондон.

Когда-то в «Манчестер гардиан» широко освещалась театральная и литературная жизнь Англии. Эта газета уделяла значительное внимание вопросам искусства и науки, отражала важнейшие события культурной жизни Англии. Пытается она делать это и сейчас. Увы! Все реже появляются театральные обзоры, все меньше рецензий на новые книги. Год тому назад газета высказывала опасение, что именно культурная жизнь станет «первой жертвой войны». Страницы английской

печати подтверждают печальное пророчество крупнейшей провинциальной газеты Великобритании.

ВОЙНА И КНИГА

Люди постепенно перестают покупать книги, более того — перестают их читать. Книжная торговля в Лондоне сократилась на 30—40 процентов. «В эти тяжелые времена публика не интересуется чтением», — пишет руководитель манчестерской публичной библиотеки.

Конечно, в Англии читают книги: правда, значительно меньше, чем раньше, но все же за книгой стараются забыться от «бомбинг» (бомбежки) и «блэкаут» (затемнения). Этому служит развлекательное чтение. За последнее время, жалуется «Манчестер гардиан», в Англии не появляются новые серьезные художественные произведения. К тому же, писатели не только меньше пишут, но и уровень самой литературы снизился. «Читатели иногда задумываются над тем, почему эти, казалось бы, достойные внимания книги современных писателей ничего в конце концов нам не дают?»

Сейчас рецензентам приходится иметь дело, главным образом с посредственными романами, приключенческой и детективной литературой. Естественно, получили распространение книги на колониальные темы. Издательства наводняют рынок книгами о преступлениях, убийствах. Почти все издательства выпускают такое чтение, как «Черная баронесса» Денниса Витлея, «Капрал умер в постели» Брюса Крайма, «Сенсационное убийство» Джона Бенглея, «Человек со шрамом» Чарльза Вивiani и т. п. Необходимо отметить появление таких книг, как «Убийцы, шпионы и авантюристы» или романа «Увядший человек» Нормана Дина, где выведены парашютисты. Ахмед Абдулла и Антони Эллот написали повесть «Тень властелина», — «книгу о любви и войне», где ге-

Бомбардировкой разрушена известная библиотека Холдейн-хауса. В начале XIX века в этой библиотеке собирались известнейшие писатели, художники, артисты и политические деятели

рои попадают в самые невероятные положения; действие начинается в Париже и кончается в Индо-Китае. Материал «Опасного молодого человека» Джорджа Вортса взят из быта нью-йоркских гангстеров, шантажистов, воров. Чарльз Барри дает книгу под названием «Мертвые молчат». Даже такое солидное издательство, как «Оксфорд юниверсити пресс», также отдало дань детективу, выпустив книгу Реджинальда Муриша — «Полиция и современные методы раскрытия преступлений».

Большим спросом пользуются книги о войне, особенно записки очевидцев событий, разыгравшихся на континенте. Корреспонденты телеграфных агентств и крупных газет, побывавшие на театрах войны (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия), выпустили свои дневники. Среди них, как редкое исключение, попадаются книги, которые критика считает интересными, серьезными, заслуживающими внимания. Таковы: дневник Александра Уэрта, корреспондента «Манчестер гардиан», — «Последние дни Парижа» и дневник Гордона Уотерфилда, корреспондента агентства Рейтер, — «Что случилось во Франции». Но значительная часть выпускаемых изданий составлена из газетных сообщений,

политических речей, писем с фронта («После Дюнкерка» Гордона Бэклеса). Пресса отмечает, что большинство таких книг написано наспех, перышливо (например, «Нарвик и после Нарвика» Страболджи) и изобилует фактическими неточностями. Оценка событий, как указывают рецензенты, недостаточно серьезная, скороспелая. Издаются сборники фотографических снимков и географические атласы театров войны. Специальные книги посвящены английской армии, истории и современному состоянию флота.

Известное издательство Метуэн решило «облегчить» читателям восприятие войны, внести в литературу о военных событиях элемент развлекательности. На днях, как сообщает «Таймс», выпущен сборник «юмористических стихов на злободневные темы, главным образом связанные с войной», — книга А. Хербетта «Песня сирен». Кроме того, вышла книга сатирических стихов («За линией фронта» А. Милна), написанных в первые девять месяцев войны. Автор к каждому стихотворению приписал нечто вроде «личного» постскриптума, и книга, таким образом, «является своеобразным дневником войны». Тем же издательством выпущен сборник юмористических очерков Антони Армстронга «Ничего общего с войной».

Часть газет закрылась, все продолжающие существовать газеты сократили количество полос. Пожалуй, еще в худшем положении оказались еженедельные и ежемесячные журналы. В широко распространенном еженедельнике «Спектэйтор» появилась специальная статья под заголовком «Спектэйтор в военное время». В ней рассказывается о том, какие трудности приходится сейчас переживать журналу.

«Когда началась война, — говорится в статье, — перед нашим журналом, как и перед другими, возникла опасность потерять сотрудников, тираж, рекламодателей, потерять обычный доход, перейти на бумажный паек. Мы испытали затруднения в редактировании журнала. Помощник редактора пошел добровольцем в армию еще до объявления войны, литературный редактор — в военно-воздушном флоте. Журнал располагает сейчас очень ограниченным кругом сотрудников».

Журнал сократил свой объем вдвое.

«Вместо двух передовых, — пишет «Спектэйтор», — мы помещаем одну,

вместо восьми редакционных статей на злободневные темы — пять; разделу «провинциальная жизнь» отводим лишь одну колонку; даем меньше писем, меньше обзоров книг».

Стало меньше объявлений, а это снизило доходность. Пришлось отказаться от столь популярных среди английских читателей конкурсов с премиями. Впрочем, утешает подписчиков редакция «Спектэйтор», остались кроссворды...

ГИБЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Англия — страна традиций. Член Палаты общин, обвиняющий своего противника в семи смертных грехах, обязательно назовет его «достопочтенным джентльменом». Лорд-канцлер, председательствуя в Палате лордов, не занял бы своего места, если бы на нем не находился знаменитый мешок с шерстью, который должен символизировать богатства Англии. Судья, приговоривший обвиняемого к смертной казни, обращается к нему со словами: «Вы будете повешены за шею и будете висеть до тех пор, пока не наступит смерть». Традиция являлась гордостью «среднего» англичанина, традиция была основой жизни провинциальной Англии.

Сегодня весь привычный жизненный уклад нарушен. Ныне нет у англичан определенного времени ни для чаепития, ни для воскресного отдыха, ни для телефонных разговоров, ни для посещения театров.

Театры и кино работают в самое различное время, но главным образом днем. В Глазго все зрелищные предприятия закрываются в 8 часов вечера, в Бирмингеме только дважды в неделю бывают спектакли вечером, и то начинаются они в шесть часов; в Лондоне киносеансы кончаются в семь вечера. В театральных объявлениях особенно подчеркивается, что спектакль закончится ровно в 9 ч. 15 м. вечера. «Манчестер гардиан» пишет:

«Мало-мальски разумные люди, имеющие возможность вернуться домой до наступления темноты, естественно, не хотят подвергать себя риску и случайностям при ограниченных сейчас транспортных возможностях. Артисты, несомненно, предпочли бы играть вечером, но театры должны считаться с тем, в каком положении окажется публика по окончании спектакля, особенно если к

этому времени еще не будет дан сигнал о прекращении тревоги».

Когда, с началом воздушной войны, встал вопрос о перенесении спектаклей на дневные часы, раздалось немало голосов против изменения установленных порядков. На помощь театральным антрепренерам пришли газеты, которые доказывали, что переход на дневные представления не нарушает английских традиций. Вспомнили, что в истории Англии были времена, когда спектакли давались только днем, — правда, это было в XVII веке. «Манчестер гардиан» привела выдержки из записок Пеписа — «неутомного театрала своего времени». В день постановки пьесы Шадзуэлла «Угрюмые влюбленные» Пепис появился в театре вскоре после полудня, «дабы получить удобное место»; на представлении другой пьесы Шадзуэлла театр был «битком набит уже к часу дня». Спектакли в те счастливые времена начинались в три часа дня, и публика проводила время в праздных разговорах и сплетнях. Богачи посылали своих кучеров, и те занимали места для хозяина, предпочитавшего приходить к самому началу представления. Другие в этих же целях нанимали бедняков, ютившихся у театрального подъезда.

Эти исторические экскурсы должны были убедить публику посещать дневные спектакли. Но с точки зрения доходности театров, «это не является выходом из положения, ибо не так уж много у нас людей, имеющих досуг в дневное время».

Артисты привыкли к воздушным налетам: иногда они не прерывают представления, несмотря даже на неоднократные сигналы тревоги.

Вот случай, описанный «Манчестер гардиан»:

«В одном северо-западном городе были сброшены зажигательные бомбы. Две бомбы пробили крышу театра; одна упала на сцене, другая — за сценой. Начался пожар. Группа хористок, не успев даже переменить платье, быстро образовала цепочку и по рукам передавала пожарным ведра с водой. Театр был переполнен, но все вели себя дисциплинированно, с большой выдержкой и спокойствием. На сцену вышел управляющий театром. На него стал падать сорвавшийся тяжелый занавес. Кто-то из публики крикнул: «Берегитесь!» Управляющий спрыгнул в оркестр.

— Будем ли мы продолжать спектакль? — спросил он, и множество голосов ответило утвердительно. В оркестре появилась молодая женщина из публики, села за рояль, и в театре раздались звуки хоровой песни. Публика охотно подтягивала».

Труппы, разъезжающие по провинциальным городам, испытывают всевозможные затруднения. В провинции нехватает квартир, гостиницы переполнены, цены на комнаты в частных домах взвинчены, останавливаться артистам негде. Иногда они ночуют в театре, иногда, как это имело место в Бэкстоне, приехавших артистов размещают в общественных зданиях, больницах.

Трудно рассчитать время, чтобы попасть к началу представления, нередко грузовики с театральным имуществом и музыкальными инструментами застревают в пути. В Манчестере (третий по величине город в Англии) гастролировавшая там

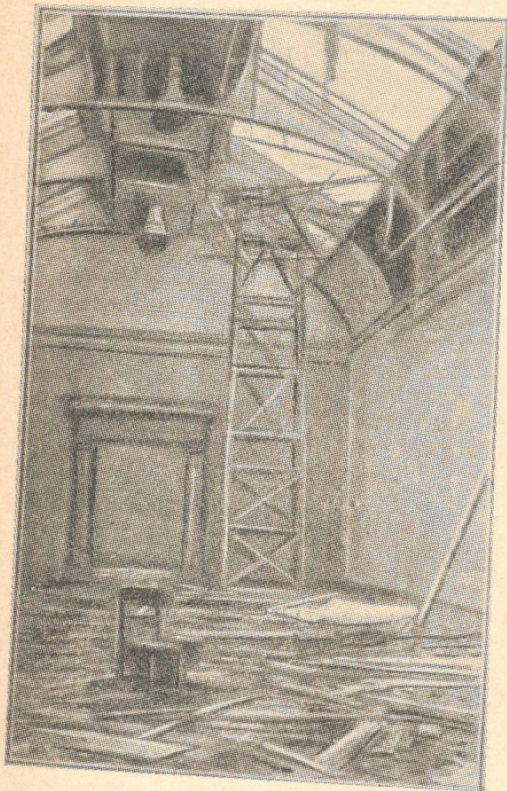
труппа не смогла найти необходимого реквизита.

«Впервые за 35 лет своего существования манчестерский театр «Ипподром» вынужден был отменить спектакль».

Прежде в провинциальных городах Англии довольно активно проявляли себя различные художественные общества. Ныне они переживают период если не полного упадка, то значительного сокращения своей деятельности. В связи с мобилизациями уменьшилось число членов во всех обществах. Люди боятся оставаться на лекциях и собраниях, так как вечерний транспорт совершенно ненадежен и «никто не хочет быть оторванным от дома и близких». Большинство обществ устраивают собрания, доклады, лекции, репетиции днем или рано вечером. «Вокальное общество Манчестера» прекратило свое существование. Симфонический оркестр распался. Большинство музыкальных и хоровых любительских кружков значительно урезало программу своей работы и ведет тяжелую борьбу за существование. Лишь изредка ставит спектакли группа «Театр юнион». «Общество любителей кинематографии» располагает европейскими фильмами, которые еще не демонстрировались в Манчестере, но не имеет возможности организовать их просмотр. Кинофестивали, дважды в год устраиваемые обществом, в прошлом году не состоялись, и теперь общество мечтает о весеннем фестивале 1941 года и о том времени, когда в публике возродится интерес к лекциям и докладам. Общество художников «Гильдия красной розы» не могло организовать свою традиционную осеннюю выставку.

Из столицы пробовали посылать в провинцию передвижные художественные выставки. Но организаторы имели возможность получить только 4 процента из 2 200 работ, показанных на прошлогодней выставке Объединенных художников и в Лондонской королевской академии. Понятно, что лучшие картины не попали на передвижную выставку и она «не представляла современное британское искусство».

«Провинция была сильно разочарована», ибо «мы не нуждаемся в наглядных доказательствах, чтобы убедиться в том, что многие английские современные художники пишут плохие картины».

Во время воздушного налета пострадала знаменитая картинная галерея Тэйт. На снимке — зал, картины из которого были вывезены до начала интенсивных воздушных бомбардировок

Сделана была попытка оживить культурную жизнь с помощью радио. Британская радиовещательная корпорация организовала серию бесед «Слово писателя». Был устроен радиодиспут на тему «Писатель и его аудитория». Диспут, по свидетельству «Манчестер гардиан», провалился.

ШКОЛА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

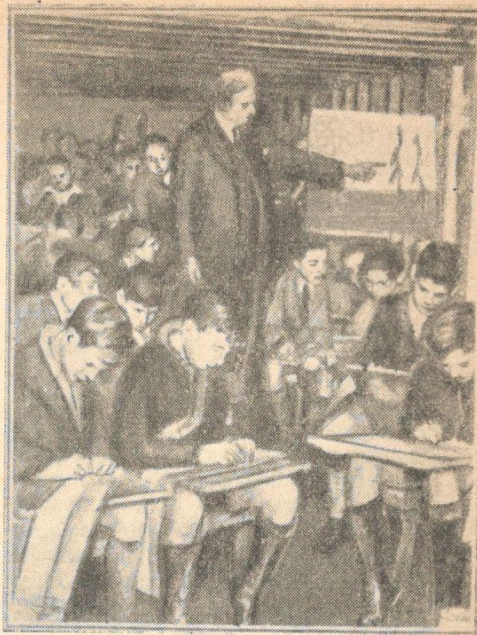
Еще большие трудности, чем литература, театр, искусство, испытывает английская школа. «Манчестер гардиан» бьет тревогу по поводу развала всей системы народного образования в Англии. В городах, подвергающихся воздушным налетам, большинство школ закрыто. Школьные помещения частично реквизированы для военных нужд; многие превращены в убежища. Значительное количество школьников эвакуировано в «безопасные зоны» (дети богачей увезены в Америку и в заморские колонии). Но и в этих зонах занятия поставлены из рук вон плохо. Во многих местностях школьной администрации пришлось объединить три класса в один, и учителя занимаются одновременно с 120 и более школьниками. В таких условиях нормальная учеба невозможна.

Занятия в школах обычно происходят только на первом этаже школьного здания: этот этаж превращен в укрепленное и более или менее безопасное убежище.

«Ученики в беспорядке сидят на полу, друг возле друга. Держа бумагу или тетрадь на коленях, они пытаются кое-как решать задачи, писать диктовки. Хуже обстоит дело в специальных убежищах, так называемых «траншеях». Многие траншеи освещаются исключительно факелами. Только те, кто сидит ближе к открытому выходу, могут писать разборчиво. Сидящие в центре «траншеи», где темно, пишут, наугад водя пером по бумаге. Устные занятия в подобных условиях также совершенно невозможны. Когда мы спросили одного толкового паренька, посещающего техническую школу, как проводят время дети в траншейных убежищах, он ответил:

— Когда можно что-нибудь разглядеть, мы играем в карты; когда нельзя — деремся».

В некоторых местах власти пытаются провести в эти убежища электрическое освещение, но это не удается из-за нехват-

Школа в бомбоубежище

ки оборудования. Неудивительно, что газета считает «восстановление системы народного образования делом жизненно необходимым».

По предписанию министерства просвещения, в провинции приступили в срочном порядке к обучению школьников старших классов оказанию первой медицинской помощи.

«Можно было бы привести немало доводов, — пишет «Манчестер гардиан», — в пользу того, что необходимо научить как можно больше людей пользоваться простейшими средствами для приостановления кровотечения, перевязки ожогов и оказания всякой другой медицинской помощи. Это должно сократить число жертв...»

БЕДСТВИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Резкое сокращение издательского дела, ликвидация ряда газет и журналов, закрытие театров, разрушение библиотек, музеев, научных институтов, развал дела народного образования — все это лишило занятий и заработка значительное число работников умственного труда, поставило в бедственное положение все слои трудящейся интеллигенции. Английские газеты печатают мало данных по этому

вопросу, но одно письмо, опубликованное «Манчестер гардиан» в «Отделе писем в редакцию», достаточно выразительно характеризует тяжелую борьбу за существование, которую ведет интеллигенция Англии.

«...Нельзя забывать о том, что средние круги работников умственного труда, так же как и рабочие физического труда, не в состоянии выносить принудительное безделье. Я не получаю вспомоществования по безработице, не пользуюсь медицинской помощью, которая мне необходима. И я и моя семья предоставлены самим себе, обречены на голодное существование. Наше общество плохо представляет себе положение интеллектуальных тружеников, которые в сентябре 1939 года неожиданно совсем лишились источников существования. За дверями многих комфортабельных коттеджей и вилл сегодня скрывается подлинная нужда. И никто не хочет подумать об этом. Никого это не интересует».

В труднейших условиях живут представители искусства. Артисты зарабатывают мало, работой не обеспечены; будущее неясно. Среди музыкантов в одном только Лондоне насчитывается более трех тысяч безработных и нуждающихся. В мемуарандуме, который союз музыкантов представил правительству, отмечается, что люди этой профессии никогда не были в столь тяжелых условиях. Союз просил правительство о помощи. Но его обращение осталось без отклика.

Лондонский совет поощрения музыки и искусства направил в провинцию несколько театральных трупп, организовал в Лондоне ряд представлений. Но этого оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы обеспечить заработком всех театральных работников. Тогда безработные артисты стали выступать в убежищах, и

не без успеха. Но скоро артистов, желающих таким путем спастись от безработицы, оказалось так много, что лондонские власти «стали испытывать от этого большие неудобства». Совет лондонского графства взял на себя рассылку по убежищам безработных артистов и даже учителей музыки. «Манчестер гардиан» упоминает, что кто-то выдвинул лозунг: «Пусть народ поет», пользующийся особым покровительством властей. Нет данных, чтобы судить о том, как реализуется этот лозунг и дали ли он возможность населению найти утешение в песнях и забыть о неоднократно отмечавшихся английской прессой неудобствах андерсоновских убежищ.

Наряду с материальными условиями, на условиях существования интеллигенции, естественно, отражается и та политическая обстановка, которая создалась в Англии в связи с неограниченными полномочиями, которые получили представители власти. Рональд Кидд в своей, недавно вышедшей, книге анализирует законодательные акты, принятые Палатой общин с начала войны, и приводит многочисленные примеры того, как эти акты применяются на местах полицейскими и судебными властями; автор назвал свою работу «Свободы Британии в опасности».

Рецензент «Манчестер гардиан» отмечает, что в книге

«речь идет не об опасностях, которые угрожают гражданским свободам Англии извне; эти свободы могут быть весьма хитроумно раздавлены изнутри... Бесспорно, что некоторые представители полиции чересчур усердствовали».

Последние мероприятия властей в отношении левого крыла английского общественного мнения, преследования участников Народного конвента, закрытие «Дейли уоркер» показывают, что отмечаемые в книге Кидда репрессии усилились и получают все более широкое распространение.